
18+
ИЛЬВИР ЗАЙНУЛЛИН
ПОСЛЕДНИЙ
СВИДЕТЕЛЬ

Ильвир Зайнуллин

Последний свидетель

«Издательские решения»

Зайнуллин И. И.

Последний свидетель / И. И. Зайнуллин — «Издательские решения»,

В закрытом кабинете найден убитый следователь. Часыпоказывают разное время, документы противоречат друг другу, а каждый новый свидетель разрушает предыдущую версию преступления. Следователь Кирилл Воронцовначинает расследование, не подозревая, что сам оказался частью тщательно выстроенной ловушки. За старым пожаром, чужими именами и подменённым прошлымскрывается тайна, способная перевернуть всё дело. Но что, если последним свидетелем окажется тот, кому нельзя доверять даже самому себе?

© Зайнуллин И. И.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Убийство, которого не могло быть 6
Глава 1. Записка из завтрашнего дня 6
Глава 2. Закрытый кабинет 17
Глава 3. Мёртвый следователь 23
Глава 4. Семь подозреваемых 28
Глава 5. Часы, остановившиеся дважды 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Последний свидетель

Ильвир Ирекович Зайнуллин

© Ильвир Ирекович Зайнуллин, 2026

ISBN 978-5-0071-5114-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Убийство, которого не могло быть

Глава 1. Записка из завтрашнего дня

Виктор Арсеньев умер в четверг, в двадцать три часа семнадцать минут.

По крайней мере, именно это время впоследствии указали в протоколе. Оно было подтверждено заключением судмедэксперта, показаниями дежурного врача, записью городской системы видеонаблюдения и даже часами на стене кабинета, стрелки которых остановились на семнадцати минутах двенадцатого. Четыре независимых источника, четыре совпадающих свидетельства. Для любого следователя этого было бы достаточно, чтобы признать время смерти установленным.

Однако существовала одна подробность, о которой в протоколе не упомянули.

В двадцать три часа семнадцать минут Виктор Арсеньев уже девятнадцать минут как был мёртв.

Эту подробность обнаружили только через шесть дней. А ещё через двое суток выяснилось, что человек, который мог объяснить причину расхождения, сам исчез при обстоятельствах, исключавших возможность его добровольного ухода. На девятый день расследования следователь Михаил Ветров получил письмо, отправленное из города, в котором никто не видел отправителя. В письме было всего одно предложение:

«Не ищите того, кто убил судью; ищите того, кому понадобилось, чтобы судья умер именно в этот день».

Подписи не было.

Но в нижнем углу листа стояла дата — двадцать два октября.

Письмо пришло двадцать первого.

А началось всё вечером, когда над городом висел такой густой туман, что фонари на противоположной стороне улицы казались мутными жёлтыми пятнами, плавающими в молоке.

Дом Виктора Арсеньева стоял на возвышении, в старой части города, где ещё сохранились особняки дореволюционной постройки, чугунные ограды и каменные львы у входов. За последние двадцать лет большинство этих зданий превратились в гостиницы, частные клиники и дорогие рестораны. Особняк Арсеньева остался жилым домом. Хозяин не любил чужих людей, не доверял охранным системам и считал, что настоящая безопасность начинается с понимания того, кому именно ты открываешь дверь.

В тот вечер дверь никто не открывал.

В двадцать три часа сорок одну минуту в дежурную часть позвонила женщина. Она говорила негромко, почти без интонаций, словно читала текст, который заранее выучила наизусть.

— По адресу улица Садовая, дом семнадцать, произошло убийство.

Дежурный поднял голову от журнала.

— Кто убит?

— Виктор Арсеньев.

— Вы родственница?

На другом конце линии наступила пауза. Дежурный слышал только тихий электрический треск, похожий на шум старой телефонной линии.

— Нет, — ответила женщина. — Я человек, который слишком поздно понял, что убийство уже состоялось.

— Назовите себя.

— Это не имеет значения.

— Имеет. Как вы обнаружили тело?

— Я его не обнаруживала.

Дежурный отложил ручку.

— Тогда откуда вы знаете, что человек мёртв?

Женщина произнесла фразу, которая позднее будет воспроизведена на заседании следственной группы не менее двадцати раз:

— Потому что завтра он должен был убить меня.

Связь оборвалась.

Через три минуты дежурный перезвонил по номеру, определившемуся на аппарате. Автоматический голос сообщил, что такого номера не существует. Проверка показала, что вызов поступил с телефонной линии, отключённой ещё одиннадцать лет назад.

На место направили патруль.

Первым к особняку подъехал старший лейтенант Денис Орлов. Он служил в полиции девять лет, видел достаточно человеческих трагедий, чтобы не испытывать любопытства перед закрытой дверью, и достаточно долго работал на улицах, чтобы понимать: самые неприятные происшествия обычно начинаются с того, что кто-то уверяет тебя в отсутствии опасности.

Дом встретил его полной тишиной. На первом этаже горел свет. За окнами кабинета на втором этаже, выходившими на сад, тоже было светло. Ни движения, ни теней, ни звука телевизора. На крыльце не было следов грязи, хотя туман уже осел на камнях влажной плёнкой.

Орлов позвонил в дверь.

Никто не ответил.

Он позвонил ещё раз, затем обошёл дом, проверил окна и вернулся к входу. На боковой стене висела камера наблюдения. Красный индикатор горел ровно. Охранная сигнализация была включена, датчики на окнах не показывали нарушений, а электронный замок зарегистрировал последнее открытие двери в восемнадцать часов пятьдесят две минуты.

По журналу системы после этого момента в дом никто не входил и не выходил.

Орлов вызвал подкрепление. Прибывший вместе с ним участковый знал Арсеньева в лицо: судья несколько раз появлялся в местной газете, а однажды приезжал в отделение по делу о незаконной перепланировке исторического здания. Соседи утверждали, что хозяин особняка жил один, хотя раз в несколько дней к нему приезжала женщина на тёмном автомобиле.

Когда полицейские начали обходить дом с фонарями, женщина из соседнего здания открыла окно и сообщила, что около десяти вечера слышала три удара. Не выстрелы, не крики — именно удары, будто кто-то тяжёлым предметом стучал по дереву. Она не придала этому значения: Арсеньев иногда работал по ночам и часто передвигал мебель.

Другой сосед сообщил, что в двадцать три часа видел свет в кабинете, хотя за час до этого окна были тёмными.

Третий уверял, что примерно в одиннадцать вечера кто-то стоял за шторами на втором этаже.

Никто не видел, чтобы этот человек вошёл в дом.

Никто не видел, чтобы он вышел.

Когда прибыла аварийная служба, дверь открыли в присутствии понятых. Замок не был повреждён. Внутри не обнаружили следов борьбы, разбитой посуды или перевёрнутой мебели. На лестнице лежал ковёр, аккуратно расправленный по ступеням. На первом этаже работали часы, в прихожей стояла трость хозяина, а на консоли лежала связка ключей.

Всё выглядело так, словно хозяин вышел ненадолго и должен был вернуться с минуты на минуту.

На втором этаже полицейские увидели закрытую дверь кабинета.

Она была заперта изнутри.

Дверь пришлось вскрыть.

За ней находился просторный кабинет с высокими книжными шкафами, письменным столом из тёмного дерева и двумя креслами у камина. Окна были закрыты, шторы задёрнуты. На письменном столе стоял стакан с водой, рядом лежала раскрытая книга, а поверх неё — серебряная ручка, направленная точно на край страницы.

Виктор Арсеньев сидел в кресле за столом. Голова была слегка наклонена влево, правая рука покоилась на подлокотнике, левая свисала вниз. На светлой рубашке, чуть ниже груди, расплылось тёмное пятно. Ни пистолета, ни ножа, ни другого очевидного орудия убийства в комнате не нашли.

На лице судьи застыло выражение, которое позже разные свидетели описывали по-разному. Одни говорили о страхе. Другие — о недоумении. Судмедэксперт, прибывший через двадцать минут, заметил, что губы погибшего слегка приподняты, словно перед смертью он услышал нечто настолько невероятное, что не успел решить, следует ли ему смеяться.

На столе лежал лист бумаги.

Он был сложен пополам и придавлен тяжёлой бронзовой фигуркой совы. На внешней стороне не было ни имени, ни адреса. Внутри находился короткий текст, написанный от руки:

«Я знаю, кто меня убил. Но если вы прочтёте это письмо, убийца уже будет мёртв».

Под текстом стояла дата: двадцать второе октября.

Следующий день.

Орлов прочитал записку дважды. Затем осторожно положил её на стол и оглядел комнату. В такие минуты опыт подсказывал ему не искать объяснений раньше времени. Люди часто оставляют записки, которые кажутся загадочными лишь потому, что окружающие не знают обстоятельств их появления. Иногда это предсмертные послания, иногда — попытка запутать следствие, иногда — бессмысленные фразы, которым родственники придают значение уже после смерти автора.

Но эта записка не выглядела предсмертным посланием.

Она выглядела как сообщение, адресованное конкретному человеку, который ещё не пришёл.

Орлов проверил бумагу. Обычный лист из плотного блокнота, без водяных знаков и типографских отметок. Чернила тёмно-синие. Почерк уверенный, с характерными угловатыми соединениями букв. На краю листа обнаружился слабый отпечаток большого пальца, но предварительно определить, кому он принадлежал, было невозможно.

— Кто-нибудь трогал записку? — спросил он.

— Нет, — ответил участковый. — Мы ничего не перемещали.

— А часы?

На стене над книжным шкафом висели старинные часы в деревянном корпусе. Их маятник остановился, стрелки показывали двадцать три часа семнадцать минут.

Орлов посмотрел на свои наручные часы.

Двадцать три часа пятьдесят девять минут.

Он снял часы со стены, прислушался к механизму и осторожно повернул корпус. Сзади обнаружился небольшой рычаг. Когда Орлов коснулся его, стрелки дрогнули и с тихим щелчком переместились на одну минуту вперёд. Маятник не ожил.

— Старый механизм, — произнёс участковый.

— Старый механизм не останавливается сам по себе ровно в тот момент, когда умирает человек, — ответил Орлов. — Хотя иногда люди очень хотят, чтобы мы так думали.

Он вернул часы на место и посмотрел на тело.

Судья не мог сидеть здесь с закрытыми глазами, пока неизвестный убийца входил в кабинет, наносил удар и спокойно уходил, запирая дверь изнутри. По крайней мере, обычное объяснение не подходило ни к одному из очевидных фактов. Дверь запиралась изнутри на ключ, который обнаружили в замочной скважине с внутренней стороны. Окна имели металлические

фиксаторы, а на подоконниках лежал тонкий слой пыли без свежих следов. Вентиляционное отверстие было слишком узким даже для ребёнка. Единственный выход из кабинета вёл в коридор, где находились полицейские.

Если убийца был в комнате, когда Арсеньев умер, то каким образом он покинул её?

Если он вышел раньше, кто запер дверь?

И если судья умер не в этом кресле, кто перенёс его сюда?

Орлов не стал озвучивать вопросы. Он знал, что рано или поздно кто-нибудь обязательно предложит простое решение: потайная дверь, сообщник, поддельный замок. Такие версии удобны, потому что позволяют считать невозможное лишь плохо исследованным. Но в этом кабинете было что-то неприятнее отсутствия очевидного пути отхода.

Комната выглядела не просто запертой.

Она выглядела подготовленной к обнаружению.

На письменном столе не было ни единого беспорядочного предмета. Книга лежала под прямым углом к краю столешницы. Ручка находилась параллельно переплёту. Стакан стоял на круглой подставке, точно в центре оставленного на дереве следа. Даже бронзовая сова была повёрнута к двери, словно хозяин специально поставил её так, чтобы вошедший первым делом увидел записку.

Кто-то хотел, чтобы эту комнату воспринимали определённым образом.

И этот кто-то либо знал, что Арсеньев умрёт, либо был уверен, что его смерть произойдёт именно здесь.

В этот момент в коридоре раздался голос:

— Старший лейтенант, вам нужно это увидеть.

Орлов вышел из кабинета. На лестничной площадке стоял молодой сотрудник, державший в руке прозрачный пакет для вещественных доказательств. Внутри находился конверт, найденный в нижнем ящике письменного стола. Ящик был заперт, но ключ лежал в замке. На конверте не было марки, штампа или адреса отправителя. Только одно слово, выведенное чёрными чернилами:

«Ветрову».

— Кто такой Ветров? — спросил Орлов.

Молодой сотрудник покачал головой.

— Пока не знаю. Но внутри документ. Похоже, старый.

Орлов вернулся в кабинет, надел перчатки и извлёк из конверта сложенный лист. Бумага пожелтела по краям. На верхней части стоял герб ведомства, которое прекратило существование много лет назад. Ниже располагался номер дела и дата регистрации.

Двенадцатое октября, одиннадцать лет назад.

Орлов пробежал глазами несколько строк и почувствовал, как исчезает привычная уверенность человека, который умеет отличать странное происшествие от действительно опасного.

Документ содержал распоряжение о проведении следственных мероприятий в связи с предполагаемым убийством Виктора Арсеньева.

Дата предполагаемого преступления совпадала с сегодняшней.

Но внизу, под подписью руководителя группы, значилось имя следователя, которому поручалось вести дело.

Михаил Ветров.

Орлов перечитал фамилию. Затем проверил номер дела, надеясь, что перед ним всего лишь ошибочная копия старого документа. Номер был настоящим. Печать — подлинной. Подпись руководителя совпадала с образцами, сохранившимися в архиве.

Оставалась одна проблема.

Михаил Ветров умер одиннадцать лет назад.

Ветрова похоронили на городском кладбище в конце октября. В официальных материалах значилось, что следователь погиб во время служебной поездки: автомобиль сорвался с мокрой дороги и упал в реку. Машину нашли через двое суток. Внутри обнаружили документы, личные вещи и следы, позволившие идентифицировать погибшего. Тело извлекли ниже по течению спустя неделю.

В расследовании его гибели не обнаружили признаков преступления. Экспертиза подтвердила, что автомобиль двигался с высокой скоростью, а водитель не успел затормозить перед опасным поворотом. Дело закрыли. Родственники получили необходимые документы. Коллеги присутствовали на похоронах.

В тот же день, когда в старом архиве зарегистрировали распоряжение о расследовании предполагаемого убийства Арсеньева, Михаил Ветров находился в командировке в другом регионе. По крайней мере, именно так утверждал официальный отчёт. Через девять дней после регистрации распоряжения его объявили пропавшим без вести. Через месяц нашли автомобиль. Через одиннадцать лет документ с его именем оказался в доме человека, которого он якобы должен был расследовать.

Орлов позвонил дежурному и попросил немедленно проверить сведения о Ветрове. Ответ пришёл через несколько минут. Фотография, личное дело, дата рождения, служебная характеристика — всё совпадало. На снимке был мужчина с прямым взглядом, тонкими губами и небольшим шрамом над левой бровью.

— Есть ещё что-нибудь? — спросил Орлов.

— Да, — ответил дежурный. — В архиве есть отметка о закрытии дела. Но самое странное не это.

— Что?

— За три дня до гибели Ветров оставил заявление о прекращении своей службы. Заявление зарегистрировали, но сам документ отсутствует. В деле сохранилась только карточка регистрации.

— Причина?

— Не указана.

Орлов посмотрел на записку из завтрашнего дня. Затем на тело судьи. Потом на пожелтевший документ с подписью человека, которого одиннадцать лет считали мёртвым.

Он вдруг заметил, что в распоряжении не указана причина, по которой убийство Арсеньева считалось предполагаемым. Нет сведений о заявителе, нет описания события, нет фамилии потерпевшего в приложениях. Только короткая формулировка: «Провести проверку обстоятельств, связанных с возможной смертью указанного лица».

Не убийством.

Не покушением.

Возможной смертью.

Будто автор документа не знал, жив ли Арсеньев, и не хотел утверждать обратное.

Орлов осторожно сложил лист и вернул его в пакет.

— Никому не сообщайте об этом документе, — сказал он молодому сотруднику. — Пока не выясним, откуда он взялся.

— А если он связан с убийством?

— Тогда он связан не только с убийством.

В коридоре зазвонил телефон. Один из сотрудников ответил, выслушал собеседника и позвал Орлова. Звонила секретарь судьи. Она находилась в другом конце города и утверждала, что получила сообщение от Арсеньева в двадцать три часа тридцать четыре минуты.

Орлов взял трубку.

— Что именно он написал?

— Всего несколько слов. Я сначала подумала, что это ошибка.

— Прочитайте дословно.

Женщина замолчала, словно собиралась с силами.

— «Не пускайте Ветрова в кабинет. Он уже однажды меня убил».

Орлов медленно опустил трубку.

Время отправки сообщения было подтверждено оператором. Телефон судьи находился в кабинете, рядом с телом. Само сообщение было отправлено через приложение, не требовавшее ручного ввода текста: его можно было продиктовать голосом или выбрать из заранее сохранённого шаблона. Однако журнал устройства показывал, что сообщение набрали вручную.

Пальцы Арсеньева, по предварительному заключению эксперта, не имели следов недавнего повреждения. Ни на телефоне, ни на столе не обнаружили очевидных признаков того, что кто-то заставлял судью печатать сообщение. А на экране аппарата сохранилась ещё одна деталь: за две минуты до отправки судья открыл контакт с именем «М. Ветров».

Орлов запросил историю вызовов.

За последние семь дней Арсеньев трижды пытался дозвониться на один и тот же номер. Все три вызова завершились без соединения. Номер был зарегистрирован на человека по имени Михаил Ветров, умершего одиннадцать лет назад.

Последний звонок состоялся в двадцать три часа шестнадцать минут.

За одну минуту до официального времени смерти судьи.

В половине третьего ночи Орлов впервые за свою службу почувствовал, что расследование уже началось задолго до того, как полиция узнала о преступлении. Кто-то подготовил документы, оставил записку, организовал обнаружение тела и предусмотрел вопросы, которые возникнут у следствия. Возможно, именно в этом и заключалась цель: заставить полицию искать человека, который официально не существовал, и тем самым отвлечь её от настоящего убийцы.

Но была и другая возможность.

Ветров действительно мог быть жив.

Тогда следовало объяснить, кто именно погиб одиннадцать лет назад, чьё тело похоронили, чьи документы нашли в автомобиле и почему все официальные записи подтверждали смерть человека, который продолжал фигурировать в материалах дела.

Орлов не верил в чудеса. Он верил в ошибки, подделки, ложь и человеческую способность принимать желаемое за действительное. Любая невозможная ситуация, по его опыту, становилась понятной, если найти пропущенный факт. Иногда на это требовалось несколько минут, иногда годы. Но факт существовал всегда.

Он ещё не знал, что в этом деле именно такая уверенность станет первой ловушкой.

В четыре часа утра тело Арсеньева отправили на экспертизу. Кабинет опечатали. Записку из завтрашнего дня, телефон, часы и старое распоряжение изъяли. В доме оставили двух сотрудников. Орлов подписал предварительный рапорт, в котором осторожно указал на признаки насильственной смерти при неустановленном способе проникновения и выхода преступника.

Он собирался уехать, когда в дверь особняка позвонили.

На крыльце стоял мужчина лет пятидесяти. На нём было тёмное пальто, промокшее от тумана, а в правой руке он держал небольшой кожаный портфель. Лицо казалось знакомым, хотя Орлов был уверен, что никогда прежде не встречал этого человека.

— Вам нельзя здесь находиться, — сказал он.

Мужчина посмотрел на него без удивления.

— Судья умер?

— Кто вы?

— Вы нашли записку?

Орлов сделал шаг вперёд.

— Я задал вопрос.

Незнакомец поставил портфель на крыльцо и медленно расстегнул пальто. На лацкане была приколота старая металлическая эмблема следственного ведомства. Такая же, как на фотографии Михаила Ветрова в архиве.

— Меня зовут Михаил Ветров, — сказал он. — И если вы уже вскрыли кабинет, значит, произошло то, чего я пытался не допустить одиннадцать лет.

Орлов не пошевелился.

— Вы понимаете, что человек с таким именем умер?

— Да.

— Его похоронили.

— Я знаю.

— Его тело опознали.

Ветров впервые отвёл взгляд.

— Тогда вы опознали не того человека.

— Кто был в гробу?

Мужчина поднял глаза.

— Именно это я и пришёл выяснить.

Орлов не позволил ему войти. Он вызвал сотрудников, приказал проверить документы незнакомца и запросил дежурную часть. Но прежде чем кто-либо успел подойти, Ветров произнёс ещё одну фразу:

— Не ищите убийцу среди тех, кто был в доме. В ночь смерти Арсеньева никто не входил в кабинет.

— Откуда вы знаете?

— Потому что кабинет был заперт не для того, чтобы удержать убийцу снаружи.

Он посмотрел на тёмные окна второго этажа.

— Его заперли, чтобы удержать внутри того, кто уже умер.

В этот момент на втором этаже погас свет.

Полицейские обернулись к окнам. Один из них бросился к лестнице. Орлов остался у входа, не сводя глаз с Ветрова. Когда через несколько секунд свет снова загорелся, мужчина на крыльце исчез.

Портфель остался лежать на камнях.

Внутри обнаружили несколько старых фотографий, копию свидетельства о смерти Михаила Ветрова и конверт с надписью «Открыть после второго убийства».

Конверт был пуст.

Но на его внутренней стороне проступали вдавленные следы письма, сделанного на листе, лежавшем поверх него. Эксперт позднее восстановил текст, аккуратно обработав бумагу.

Там было написано:

«Первый убийца уже мёртв. Второй ещё не знает, что совершил преступление. Третий будет найден в комнате, в которой никогда не был».

Внизу стояла подпись.

Виктор Арсеньев.

И дата — двадцать третье октября.

День, который ещё не наступил.

Утром город проснулся под дождём. Газеты ещё не знали об убийстве, но в редакции одной из них уже лежал анонимный конверт с фотографией кабинета судьи. Снимок был сделан изнутри, с точки, откуда невозможно было увидеть ни дверь, ни окно. На фотографии Арсеньев сидел за столом живой, с раскрытой книгой перед собой. В правом нижнем углу кадра отражался циферблат настенных часов.

Стрелки показывали двадцать три часа семнадцать минут.

На обороте фотографии было написано:

«Это не момент смерти. Это момент, когда он понял, что уже умер».

Фотографию передали в полицию в десять часов двенадцать минут. В конверте не было отпечатков, а бумага оказалась такой же, как в блокноте, найденном в кабинете. Сам снимок сделали на плёнку, хотя подобная техника почти не использовалась в профессиональной криминалистике уже много лет.

Экспертиза установила, что изображение не подвергалось цифровой обработке. На плёнке сохранились характерные дефекты старого объектива, а эмульсия соответствовала периоду производства, закончившемуся задолго до нынешних событий. Однако это не означало, что фотография была сделана в прошлом. Старые фотоаппараты продолжали работать, а плёнку можно было хранить десятилетиями.

Самое странное обнаружили при увеличении изображения.

В отражении циферблата, за спиной судьи, виднелась человеческая фигура. Лицо невозможно было различить, но на правой руке фигуры находились часы с крупным светлым циферблатом. Такие же часы носил Михаил Ветров на фотографии из личного дела.

На запястье покойного судьи часов не было.

В его доме не нашли ни одного подобного предмета.

А на увеличенном снимке эксперт заметил ещё одну деталь: отражение показывало дверь кабинета открытой, хотя во время обнаружения тела она была заперта изнутри.

Это могло означать, что фотография была сделана до того, как дверь закрыли.

Или после того, как её открыли.

Или что изображение отражало не ту комнату, которую видели полицейские.

В одиннадцать часов утра Орлов получил распоряжение передать расследование специальной группе. В документе указывалось, что дело представляет особую сложность и требует участия специалиста, знакомого с материалами старого производства. Имя специалиста не называлось. Вместо него стоял номер удостоверения, принадлежавшего Михаилу Ветрову.

Орлов позвонил в управление и потребовал объяснений.

— Это техническая ошибка, — ответил дежурный офицер.

— Тогда почему распоряжение подписано сегодня?

— Не могу сказать.

— Кто его направил?

— Документ поступил по внутреннему каналу.

— От кого?

На другом конце линии помолчали.

— От вас.

Орлов посмотрел на часы. Было одиннадцать часов семнадцать минут.

— Что вы сказали?

— В системе стоит ваша электронная подпись.

— Я ничего не подписывал.

— Возможно, произошла ошибка.

Орлов отключился и открыл электронный архив. Документ действительно был подписан его удостоверением. Время регистрации — десять часов пятьдесят девять минут. В это время он находился в кабинете начальника отдела, где обсуждал результаты первичного осмотра. Два сотрудника могли подтвердить его присутствие. Но журнал системы показывал, что распоряжение создали с рабочего компьютера Орлова, в его кабинете, в котором с девяти часов утра никого не было.

Он запросил запись с камеры наблюдения.

На записи его кабинет оставался пустым.

В десять часов пятьдесят девять минут экран компьютера включился сам. Клавиатура не двигалась. Мышь не перемещалась. На мониторе появилось окно электронного документообо-

рота, затем открылся файл с распоряжением. В поле подписи возникла отметка об успешной проверке сертификата.

Через три секунды экран погас.

Система зафиксировала действие пользователя под именем Орлова.

Но в журнале доступа было ещё одно событие, которое не укладывалось в эту последовательность.

В десять часов пятьдесят восемь минут пятьдесят две секунды в кабинет вошёл человек.

Камера не зафиксировала открытия двери. Человек просто оказался внутри, стоя возле стола, лицом к монитору. Через семь секунд он исчез. Дверь по-прежнему оставалась закрытой.

Орлов несколько раз просмотрел запись. На изображении не было ни помех, ни скачков времени, ни следов монтажа. Фигура выглядела совершенно естественно: тёмное пальто, светлая рубашка, короткие волосы. Когда запись увеличили, стало видно лицо.

Это был Виктор Арсеньев.

Судья, тело которого в тот момент находилось в морге.

Орлов выключил монитор. Он не боялся мёртвых, потому что не верил в их возвращение. Он боялся другого: что в этом деле кто-то последовательно создавал доказательства, которые заставляли людей сомневаться в собственных глазах, памяти и здравом смысле.

Если всё происходящее было чьим-то замыслом, то его автор располагал доступом к закрытым архивам, электронным системам, старым документам и сведениям, которые не могли быть известны постороннему человеку. Он знал, где искать слабые места в расследовании, и заранее предугадывал действия полиции.

Но зачем ему было создавать настолько сложную конструкцию?

Почему нельзя было просто убить судью и скрыться?

И кто из всех участников этой истории действительно стремился раскрыть преступление, а кто хотел, чтобы следствие никогда не дошло до правды?

Вечером Орлов вернулся домой и обнаружил под дверью конверт. На этот раз он не стал вскрывать его руками. Он надел перчатки, сфотографировал положение конверта и только после этого извлёк содержимое.

Внутри находился один лист.

На нём было напечатано:

«Следователь Михаил Ветров не умер. Умер человек, которого вы приняли за него. Однако настоящий Ветров тоже не тот, за кого себя выдаёт».

Ниже стояла дата — двадцать первое октября.

И подпись:

«Виктор Арсеньев».

Орлов медленно опустил лист на стол.

Затем посмотрел на календарь.

Двадцать первое октября.

Виктор Арсеньев был мёртв.

Но письмо было написано сегодня.

А внизу, почти незаметно, проступала ещё одна строка, которую сначала можно было принять за дефект печати:

«Если вы читаете это письмо, значит, первый этап завершён. Теперь осталось выяснить, кто из нас двоих настоящий убийца».

Орлов перечитал фразу.

Кто из нас двоих?

Виктор Арсеньев был мёртв. Михаил Ветров, если верить документам, тоже был мёртв. Но один из них оставлял письма, а другой появлялся на видеозаписях. Один заранее описал собственное убийство, другой пришёл к дому после того, как тело уже обнаружили.

И если оба действительно были мертвы, кто тогда вёл расследование?

Орлов поднял глаза на окно. За стеклом стоял туман. На противоположной стороне улицы, возле фонаря, неподвижно находился человек в тёмном пальто. Лица не было видно. Человек не двигался, не пытался скрыться и не обращал внимания на проезжающие машины.

Орлов подошёл к окну.

Фигура подняла руку и указала на дом.

Затем медленно повернулась и пошла прочь.

Орлов выбежал на улицу, но там никого не оказалось. На мокром асфальте не было следов, а камера у подъезда не зафиксировала прохожего.

Когда он вернулся, на столе лежал новый лист бумаги.

Он был чистым, без надписей и печатей. Только в самом центре, словно выдавленные невидимой рукой, проступали четыре слова:

«Вы уже нашли не того».

Орлов не стал вызывать полицию. Он понял, что если сообщит обо всём происходящем, его отстранят от дела, а материалы передадут людям, которых он не знает. Он впервые за много лет решил действовать самостоятельно.

Он открыл архив и запросил полное дело о гибели Михаила Ветрова.

Через несколько минут система выдала предупреждение:

«Документ недоступен. Дело не существует».

Орлов повторил запрос по номеру, указанному в старом распоряжении. Ответ был тем же.

Тогда он ввёл фамилию судьи и дату предполагаемого преступления.

На экране появилось дело, зарегистрированное двадцать лет назад.

В графе «Потерпевший» стояло имя Виктора Арсеньева.

В графе «Подозреваемый» — Михаил Ветров.

А в графе «Результат расследования» значилось:

«Преступление не совершено. Потерпевший отсутствует».

Орлов проверил дату регистрации.

Она предшествовала рождению Михаила Ветрова на четыре года.

И всё же документ был подписан его рукой.

На последней странице, под заключением следователя, стояла фраза, написанная от руки:

«Не закрывайте дело. Если оно будет закрыто, убийство произойдёт».

Внизу была указана дата.

Двадцать второе октября.

Завтрашний день.

Орлов откинулся на спинку кресла. Он понял, что больше не может считать это дело обычным расследованием убийства. Возможно, кто-то манипулировал архивами. Возможно, существовала тщательно организованная группа, которая годами подделывала документы и создавала ложные личности. Возможно, всё происходящее было связано с пожаром в пансионате, о котором он ещё ничего не знал.

Но оставался вопрос, на который ни одна из этих версий не отвечала.

Почему все документы указывали на завтрашнюю дату?

И почему каждый человек, который пытался объяснить происходящее, исчезал прежде, чем успевал закончить?

В ту ночь Орлов не спал. Он сидел за столом, перебирал копии документов и пытался восстановить хронологию событий. В шесть часов утра он заметил, что на одном из листов появилась новая строка. Бумага была такой же, как прежде, но текст проступил поверх старого заключения.

«Первое убийство совершено. Второе ещё не началось. Третье уже расследуется».

Под строкой стояла подпись.

Михаил Ветров.

Орлов посмотрел на календарь.

До двадцать второго октября оставалось восемнадцать часов.

И впервые за всё время расследования он подумал, что главная опасность может заключаться не в том, что преступник сумел обмануть полицию.

А в том, что полиция уже выполнила часть его плана.

И даже не заметила этого.

Глава 2. Закрытый кабинет

К семи часам утра Михаил Ветров уже трижды умирал в официальных документах и один раз возвращался к жизни на записи полицейской камеры. Виктор Арсеньев, напротив, числился погибшим лишь в одном протоколе, но его имя продолжало появляться в новых распоряжениях, письмах и архивных материалах, которые никто не признавал своими. Следователь Денис Орлов сидел в кабинете, заваленном распечатками, и пытался решить, с какой стороны подступиться к делу, в котором даже исходные данные не желали оставаться неизменными.

Он мог принять версию о тщательно подготовленной мистификации. Такая версия объясняла поддельные письма, старые документы, странные телефонные звонки и даже появление человека, называвшего себя Ветровым. Но она не объясняла, каким образом на записи из пустого кабинета возникло лицо покойного судьи, а электронная система зарегистрировала действия, которых не совершал ни один пользователь. Можно было предположить вмешательство в оборудование, однако тогда требовалось объяснить, зачем преступнику понадобилась столь сложная постановка. Убийца, желающий скрыться, обычно уничтожает следы. Здесь же кто-то оставлял следы с такой настойчивостью, словно стремился не избежать расследования, а направлять его.

В восемь часов Орлов позвонил руководителю следственной группы и потребовал разрешения лично осмотреть кабинет Арсеньева повторно. Он не стал упоминать письма, исчезновение Ветрова и запись с изображением мёртвого судьи. Пока эти сведения не были проверены, они могли оказаться ловушкой, рассчитанной именно на то, чтобы заставить его усомниться в очевидном. Он попросил лишь предоставить ему первоначальные фотографии места происшествия, схему расположения предметов, результаты осмотра замка и заключение эксперта по времени смерти.

Разрешение пришло через двадцать минут. Вместе с ним поступило короткое распоряжение: к полудню представить предварительную версию механизма убийства. Внизу стояла электронная подпись начальника управления. Орлов заметил, что документ был создан в десять часов пятьдесят девять минут — в ту же минуту, когда неизвестный пользователь подписал распоряжение о передаче дела Михаилу Ветрову. Но сейчас он решил не отвлекаться. Если кто-то пытался управлять расследованием, лучшим ответом было не следовать его указаниям и не бросаться в погоню за каждым новым призраком, а вернуться к материальным обстоятельствам преступления.

К девяти часам он подъехал к особняку на Садовой улице. Туман рассеялся, оставив на деревьях и металлической ограде капли влаги. Дом выглядел совершенно обыкновенным: светлые стены, тёмная крыша, аккуратная дорожка к крыльцу. На втором этаже по-прежнему горел свет в кабинете, хотя электричество там отключили ещё ночью. Дежурный объяснил, что лампа подключена к отдельной линии, которую электрики не успели проверить. Орлов ничего не ответил, но отметил эту подробность. В деле, где даже освещение могло служить уликой, мелочей не существовало.

У входа его встретила эксперт-криминалист Анна Белова. Ей было около тридцати пяти лет, она отличалась спокойствием, почти педантичной аккуратностью и редкой способностью говорить «не знаю» без малейшего смущения. Орлов работал с ней прежде и доверял её заключениям именно потому, что она никогда не пыталась превратить недостаток данных в красивую гипотезу.

— Вы просили повторный осмотр, — сказала Белова. — Я подготовила всё, что удалось установить. Сразу предупреждаю: если вы ждёте, что мы найдём тайный ход, я вас разочарую.

— Я жду, что мы найдём хотя бы одну вещь, которую никто не сможет объяснить двумя разными способами.

— Тогда вам придётся запастись терпением.

Они поднялись на второй этаж. Дверь кабинета оставалась опечатанной. Белова сверила номера пломб, сфотографировала их и только после этого сняла печать в присутствии Орлова и понятых. Внутри всё выглядело так же, как на фотографиях первой ночи. Письменный стол, кресло, книжные шкафы, камин, закрытые шторы. Кресло, в котором нашли Арсеньева, стояло на прежнем месте, хотя самого тела уже не было. На ковре под ним сохранился едва заметный участок более тёмного ворса, образовавшийся там, где долго находилась ножка мебели.

— Начнём с двери, — сказал Орлов.

Белова присела возле замка. На внутренней стороне не было заметных царапин, следов сверления или повреждений механизма. Ключ, найденный в скважине, подходил к замку и свободно поворачивался. Снаружи дверь открывалась только при помощи второго ключа, который хранился в прихожей. На поверхности металла обнаружили несколько старых следов использования, но ни один не указывал на недавнее вмешательство.

— Замок исправен, — сообщила Белова. — Когда мы вскрывали дверь, он действительно был заперт изнутри. Но есть важное уточнение.

— Какое?

— Сам замок доказывает только то, что в момент вскрытия ригель находился в запертом положении. Он не доказывает, кто именно повернул ключ и когда это произошло.

Орлов кивнул. Это было первое обстоятельство, которое следовало отделить от предположений. Дверь не открывали снаружи без ключа — но это не означало, что преступник обязательно оставался внутри. Кто-то мог запереть её до обнаружения тела. Кто-то мог воспользоваться ключом, находившимся у другого человека. Наконец, механизм мог быть изменён таким образом, чтобы создавать ложное впечатление запирания изнутри. Пока ни одна из этих версий не была подтверждена.

Они обследовали дверную раму, петли и пространство под порогом. Следов инструмента не обнаружили. Затем Белова проверила окна. Створки закрывались на металлические фиксаторы, которые нельзя было открыть снаружи без повреждения. На подоконниках сохранился тонкий слой пыли, но отсутствие следов на нём не являлось абсолютным доказательством того, что окна никто не трогал: пыль могла осыпаться, а отдельные участки могли быть очищены. Однако никаких признаков такого вмешательства эксперт не выявила.

— А вентиляция? — спросил Орлов.

— Проверили. Ни один канал не соединяется с соседними помещениями. Человек через них не пройдёт. И не надо предлагать мне карлика, ребёнка или гимнаста, способного складываться вчетверо.

— Я ещё ничего не предложил.

— Вы смотрите на вентиляционную решётку так, словно уже мысленно протиснули туда подозреваемого.

Орлов впервые за утро улыбнулся. Это была короткая улыбка, почти незаметная, но она вернула ему ощущение обычного расследования. Пока существовали люди, которые могли шутить над невозможным, дело ещё не превратилось в окончательно замкнутую систему.

Белова сняла решётку, осветила канал и показала ему внутреннюю поверхность. Пыль лежала ровным слоем. На металле не было ни свежих царапин, ни отпечатков, ни следов волокон одежды. Канал заканчивался в техническом пространстве между стенами и не имел выхода наружу.

— Если убийца проник сюда физически, — сказала она, — он воспользовался дверью. Другого подтверждённого пути у нас нет.

— А если не проник?

Белова поднялась и посмотрела на него.

— Тогда вы задаёте вопрос не криминалисту, а человеку, который должен придумать сказку.

— Я спрашиваю не о чуде. Я спрашиваю, возможно ли убить человека, не находясь рядом с ним в момент смерти.

— Разумеется. Яд, отложенное действие, дистанционное устройство, заранее созданные условия. Но это всё равно требует физического механизма, а не исчезновения причин и следствий.

— Значит, нам нужно искать не отсутствие механизма, а механизм, который мы пока не распознали.

— Именно.

Они перешли к письменному столу. Белова показала место, где стоял стакан, и участок поверхности, на котором лежала книга. Вода в стакане была обычной, без заметного осадка или постороннего запаха. Образец уже отправили на токсикологическое исследование. На стекле обнаружили отпечатки Арсеньева и несколько частичных следов, принадлежность которых ещё предстояло установить. Книга оказалась сборником судебных речей, изданным почти сорок лет назад. Она была раскрыта на странице, посвящённой ответственности свидетеля за заведомо ложные показания.

— Случайность? — спросил Орлов.

— Пока неизвестно. Человек мог читать эту страницу. Мог открыть книгу наугад. Мог намеренно оставить её здесь. Если вы хотите, чтобы я ответила, что убийца выбрал её из-за содержания, мне нужны основания.

Орлов осторожно осмотрел переплёт. На нижнем краю обложки была едва заметная вмятина, а на полях раскрытой страницы — две короткие карандашные линии. Они не подчёркивали ни одного предложения целиком, а выделяли отдельные слова. Орлов попросил сфотографировать страницу с максимальным разрешением. Белова выполнила просьбу, не комментируя её.

— Что насчёт крови? — спросил он.

— Следы обнаружены на рубашке и в области кресла. Основное повреждение находится на передней поверхности грудной клетки. Но точный механизм травмы и направление воздействия будут определены после завершения исследования. Пока можно сказать только одно: в комнате не обнаружено орудия, которое очевидным образом соответствует повреждению.

— Следов борьбы нет?

— Нет выраженных следов борьбы. Но это не то же самое, что доказательство её отсутствия. Если человек потерял сознание быстро, если он доверял нападавшему или если воздействие было неожиданным, он мог не успеть сопротивляться. Кроме того, мы пока не знаем, когда именно возникла травма.

— То есть смерть могла наступить не в этом кресле?

— Могла. Но на данный момент у нас нет достаточных данных, чтобы утверждать обратное или подтвердить вашу версию.

Орлов посмотрел на место, где сидел судья. На фотографиях первой ночи тело казалось неподвижной частью обстановки. Теперь, без него, кресло выглядело почти театральным реквизитом. Оно было расположено так, чтобы сидящий человек видел дверь, а вошедший — лицо сидящего. На стене за столом висела большая картина с изображением морского побережья. Под ней находился узкий шкафчик, в котором хранились старые документы. Его дверцы были закрыты, но на правой обнаружили следы недавнего прикосновения.

— Это проверяли? — спросил Орлов.

— Да. Следы принадлежат Арсеньеву. По крайней мере, два из них совпадают с его контрольными отпечатками. Остальные слишком неполные для уверенного вывода.

— А содержимое?

Белова открыла шкафчик. Внутри лежали папки, несколько старых конвертов, пустой футляр от очков и металлическая коробка без замка. На дне коробки обнаружили прямоугольный участок чистой поверхности, отличавшийся от остального металла. По размерам там мог лежать предмет, который убрали незадолго до убийства.

— Что хранилось в коробке? — спросил Орлов.

— Не знаем.

— Может быть, оружие?

— Может быть, фотография, часы, ключ или что-то совершенно другое. Размеры пятна дают нам только размеры предмета, а не его назначение.

Он попросил сфотографировать коробку и изъять её для исследования. Затем вернулся к двери и ещё раз осмотрел кабинет с порога. Теперь ему хотелось понять не то, как убийца вышел, а почему преступление выглядело именно так. Если целью было скрыть способ убийства, записка и остановившиеся часы только мешали. Они привлекали внимание. Если целью было запутать следствие, то слишком многие элементы казались специально подобранными. Если же преступник хотел, чтобы полиция пришла к определённой версии, то кабинет был не местом, где всё произошло, а сообщением, которое следовало правильно прочитать.

— Анна, представьте, что вы не эксперт, а человек, который организовал эту сцену. Что бы вы хотели, чтобы мы подумали?

Белова посмотрела на дверь, потом на кресло и часы.

— Что никто не мог войти. Что никто не мог выйти. Что время смерти точно известно. И что записка объясняет всё, хотя на самом деле не объясняет ничего.

— Почему?

— Потому что если человек хочет скрыть убийство, он убирает следы. А если хочет управлять расследованием, он оставляет такие следы, которые заставляют нас смотреть в нужную сторону.

Орлов медленно кивнул. Это совпадало с его собственными наблюдениями. Кабинет не был просто запертой комнатой. Он был тщательно собранной логической ловушкой. Каждая деталь подталкивала к определённому выводу, но ни одна не подтверждала его окончательно.

Он попросил Белова проверить, можно ли определить последовательность перемещения предметов по микроследам на столе и полу. Затем ещё раз осмотрел часы. Снаружи они выглядели старинными, но механизм оказался современнее, чем можно было предположить по корпусу. На задней крышке имелась маленькая металлическая пластина с серийным номером. При первичной проверке её не заметили.

Орлов записал номер в блокнот.

— Найдите производителя. И выясните, когда эти часы в последний раз обслуживали.

— Вы думаете, что они имеют отношение к убийству?

— Я думаю, что убийца хотел, чтобы мы обратили на них внимание. Это ещё не значит, что они показывают правду.

Белова закрыла шкафчик и взглянула на часы.

— Тогда у нас есть проблема.

— Какая?

— Если всё здесь сделано специально, мы не можем считать даже очевидные улики независимыми друг от друга. Записка, часы, положение тела и запертая дверь могут быть частями одного замысла. Они не подтверждают друг друга, если их создал один человек.

Орлов почувствовал, что именно эта мысль могла стать первой настоящей опорой в расследовании. Четыре совпадающих обстоятельства казались четырьмя доказательствами, пока не возникал вопрос, кто и зачем сделал их совпадающими.

Он посмотрел на пустое кресло.

— Значит, мы должны найти улику, которую преступник не контролировал.

— Если такая существует.

— Она существует, — сказал Орлов. — Иначе ему не пришлось бы так стараться.

В этот момент из коридора донёсся голос дежурного:

— Денис Сергеевич, вам звонят из морга. По результатам предварительного исследования есть несоответствие.

Орлов взял трубку.

Судмедэксперт говорил быстро, но сдержанно. Он сообщил, что первоначальная оценка времени смерти была сделана по совокупности внешних признаков и температуры тела. Однако при повторном исследовании обнаружились обстоятельства, которые не позволяли уверенно утверждать, что Арсеньев умер в двадцать три часа семнадцать минут. Более того, один из признаков указывал на то, что смерть могла наступить значительно раньше.

— Насколько раньше? — спросил Орлов.

— Предварительно — примерно на сорок минут. Но мне нужны дополнительные исследования. Я не хочу выдавать предположение за окончательный вывод.

— А что с повреждением?

— Оно могло быть нанесено до момента, который мы первоначально приняли за время смерти. При этом на теле нет признаков, позволяющих связать травму с конкретным орудием, найденным в кабинете.

Орлов посмотрел на часы на стене.

— Вы уверены, что речь идёт об одном и том же времени?

— Именно это мы сейчас и проверяем.

Когда разговор закончился, Белова уже смотрела на него.

— Сорок минут, — сказал он.

— Тогда остановившиеся часы могут оказаться не указанием на момент смерти, а указанием на то, когда кто-то хотел, чтобы мы поверили в смерть.

Орлов не ответил. Он снова увидел перед собой записку, лежавшую под бронзовой совой. «Я знаю, кто меня убил». Если судья действительно написал её сам, то в момент написания он мог ещё не быть мёртв. Но если записку подбросили позднее, кто-то знал о ней заранее. А если время смерти определили неверно, то всё расследование с самого начала строилось вокруг ложной минуты.

Он вышел из кабинета и остановился на лестнице. Внизу, в прихожей, висело большое зеркало. В его отражении была видна дверь кабинета, хотя с этой точки она не могла отражаться под таким углом. Орлов спустился на несколько ступеней, проверил положение зеркала и обнаружил, что оно висит на шарнирном креплении, позволяющем слегка менять наклон. Кто-то мог повернуть его так, чтобы видеть часть коридора, не выходя из кабинета.

На раме зеркала обнаружили свежую царапину.

Она была слишком маленькой, чтобы что-либо доказать, но достаточно заметной, чтобы заставить Орлова задуматься. Если человек находился в кабинете и хотел наблюдать за происходящим снаружи, зеркало могло помочь ему увидеть движение в коридоре. Но зачем это понадобилось судье, который, по официальной версии, работал один?

Орлов приказал проверить, можно ли было из кабинета наблюдать за лестницей через отражение. Эксперимент подтвердил, что при определённом положении зеркала человек за столом мог видеть часть верхней площадки и дверь. Однако из этого не следовало, что именно так зеркало использовали в ночь убийства.

Когда осмотр завершили, Орлов вышел из особняка с ощущением, что разгадка стала одновременно ближе и дальше. Он исключил несколько простых версий, но обнаружил ещё больше вопросов. Убийца не оставил очевидного орудия, не повредил замок, не нарушил положение окон и не допустил беспорядка. Он словно не совершал преступление, а воспроизводил заранее подготовленный рисунок.

В машине Орлов открыл блокнот и записал три фразы:

«Не доверять времени».

«Не считать совпадающие улики независимыми».

«Установить, что произошло до того, как тело оказалось в кресле».

Он собирался закрыть блокнот, когда заметил, что на предыдущей странице появилась ещё одна строка. Чернила были свежими, хотя он не помнил, чтобы писал её.

«Не ищи, как убийца покинул кабинет. Сначала выясни, кто сказал тебе, что он туда входил».

Орлов замер.

Ни один свидетель не утверждал, что видел входящего. Ни одна камера не зафиксировала проникновения. Он сам построил расследование вокруг вопроса о том, как убийца оказался в запертой комнате, потому что исходил из предположения, что убийца должен был там находиться.

Но кто доказал, что это так?

Он посмотрел на особняк. На втором этаже за шторой мелькнула тень. Орлов успел увидеть лишь очертание головы и плеч. Фигура стояла неподвижно, глядя прямо на улицу.

Он выскочил из машины и побежал к входу.

На этот раз дверь особняка оказалась открыта.

В кабинете никого не было. На столе лежала книга, закрытая на той самой странице, где карандашом были отмечены отдельные слова. Бронзовая сова повернулась к окну. Часы показывали двадцать три часа семнадцать минут.

Но было десять часов сорок две минуты утра.

Орлов подошёл к циферблату и увидел, что секундная стрелка движется. Она сделала полный круг, остановилась на двенадцати, затем дёрнулась назад и пошла в обратном направлении.

Он отступил.

В этот момент телефон в его кармане завибрировал. Сообщение пришло с неизвестного номера.

«Теперь вы понимаете, почему дверь была заперта?»

Следом пришло второе:

«Потому что тот, кого вы ищете, никогда не выходил».

Орлов поднял глаза на пустое кресло.

И впервые допустил мысль, которую до этого считал невозможной: возможно, в ночь убийства в кабинете действительно никого не было.

Кроме человека, который уже умер.

Глава 3. Мёртвый следователь

В тот момент, когда Орлов получил второе сообщение, он понял, что совершил ошибку, которую опытные следователи совершают гораздо чаще, чем принято думать: позволил преступлению определить границы собственного расследования. Сначала он искал убийцу в закрытом кабинете, затем пытался установить способ проникновения, после чего сосредоточился на времени смерти. Каждая новая улика заставляла его менять направление, но все направления оставались внутри одной и той же версии — кто-то убил Виктора Арсеньева, а затем организовал невозможную сцену, чтобы скрыть способ совершения преступления.

Теперь впервые возникла другая версия. Возможно, само убийство было лишь частью события, которое началось задолго до появления тела. Возможно, человек, которого он считал жертвой, заранее участвовал в подготовке собственной смерти. И, наконец, возможно, следователь, появившийся у особняка после обнаружения тела, был не случайным участником происходящего, а единственным человеком, знавшим, что именно должно случиться.

Орлов убрал телефон в карман и ещё раз осмотрел пустое кресло. Он не стал прикасаться к часам. Не стал открывать книгу. Не стал проверять, действительно ли дверь заперта. Вместо этого он вышел из кабинета, спустился по лестнице и попросил дежурного вызвать оперативную группу для фиксации повторного проникновения в помещение. Только после этого он позволил себе вернуться к вопросу, который с самого начала казался ему самым простым.

Кто такой Михаил Ветров?

Не тот человек, чья фамилия встречалась в старых документах. Не мужчина, который называл себя этим именем на крыльце. Не погибший следователь с фотографии в архиве. Орлова интересовал настоящий Ветров — человек, который существовал до того, как его имя превратилось в центральную загадку дела.

В управлении ему подготовили отдельное помещение и предоставили доступ к материалам о гибели следователя одиннадцать лет назад. Первые документы выглядели безупречно. Служебная характеристика, сведения о семье, фотографии с места работы, копии командировочных удостоверений, записи о служебных расследованиях. Ветров не был легендарным сыщиком, чьи заслуги могли бы породить многочисленные подделки. Он работал спокойно, без публичных конфликтов, специализировался на сложных имущественных преступлениях и редко давал интервью. Коллеги характеризовали его как человека, который не любил говорить о незавершённых делах и почти никогда не делился личными планами.

В одном из документов Орлов обнаружил запись о последнем расследовании Ветрова. Дело касалось пожара в частном пансионате «Северный берег», произошедшего двадцать лет назад. В результате пожара погибли одиннадцать человек. Официальной причиной назвали неисправность электропроводки, однако следствие установило, что в здании находились люди, которые не должны были там находиться по документам. Среди погибших были постояльцы, чьи имена отсутствовали в регистрационных журналах, а некоторые записи о сотрудниках пансионата оказались уничтожены ещё до начала расследования.

Дело закрыли после осуждения директора учреждения и одного из технических работников. Судья Виктор Арсеньев участвовал в рассмотрении дела и подписал окончательное решение. Ветров занимался проверкой нескольких эпизодов, связанных с подделкой документов, но за два месяца до собственной гибели внезапно прекратил работу над ними. В официальном отчёте это объяснялось переводом на другое направление.

Орлов запросил приложения к делу. Часть материалов сохранилась, часть была передана в архив, а некоторые документы числились утраченными. Среди отсутствующих значились список первоначальных свидетелей, схема второго этажа пансионата и протокол допроса человека, обозначенного только инициалами «Н. С.».

Ветров собственноручно запросил эти документы за три дня до гибели.

Именно в тот день он подал заявление о прекращении службы.

Орлов откинулся на спинку кресла. Если Ветров обнаружил что-то опасное в деле о пожаре, его гибель могла оказаться не случайной. Но эта версия не объясняла, почему материалы о смерти Арсеньева появились в архиве за двадцать лет до сегодняшнего убийства, почему подпись Ветрова стояла под документом, составленным до его рождения, и почему кто-то продолжал использовать его имя в настоящем времени.

Он позвонил бывшему начальнику Ветрова, полковнику в отставке Сергею Мельникову. Тот согласился встретиться, но попросил не приезжать к нему домой. Они договорились о встрече в маленьком кафе возле железнодорожного вокзала, где в утренние часы почти не было посетителей.

Мельников оказался сухощавым мужчиной с седыми волосами и привычкой внимательно смотреть на собеседника, прежде чем отвечать. Он выслушал Орлова, не перебивая, а когда речь зашла о деле «Северного берега», медленно снял очки и положил их на стол.

— Вы слишком поздно начали с этого дела, — сказал он.

— Оно стало актуальным только сейчас.

— Нет. Оно стало актуальным двадцать лет назад. Просто тогда никто не захотел его таким считать.

— Что обнаружил Ветров?

Мельников долго молчал.

— Он обнаружил, что список погибших не совпадает со списком людей, находившихся в здании. Это не редкость при крупных пожарах. Но Ветров пошёл дальше. Он выяснил, что некоторые погибшие были официально зарегистрированы под именами людей, которые продолжали жить после пожара.

— Ошибки идентификации?

— Так мы объясняли это сначала. Потом появились документы, подтверждавшие, что один из погибших после своей смерти получал зарплату, подписывал договоры и присутствовал на заседаниях. Мы решили, что кто-то использует его личность. Но когда начали проверять человека, который якобы продолжал жить, обнаружили, что его собственная биография тоже состояла из документов, созданных задним числом.

— И Ветров понял, кто стоял за подделками?

— Он сказал, что нашёл не человека, а систему. Я тогда не понял, что он имел в виду. Думал, он устал, слишком долго работал над одним делом и начал видеть закономерности там, где их нет.

— А потом он погиб.

— Потом он попросил меня об одной услуге. Сказал, что если с ним что-нибудь случится, я должен уничтожить копию одного документа.

— Вы уничтожили?

— Нет.

Орлов подался вперёд.

— Где он?

— Я не знаю. Ветров не оставил мне документ. Он оставил только описание. Сказал, что документ существует в двух экземплярах, но оба являются подлинниками. Один находится в архиве, второй — у человека, который не знает, что владеет им.

— Что это за документ?

— Свидетельство о смерти Виктора Арсеньева.

Орлов замер. Судья был жив после пожара и продолжал работать, вынес несколько приговоров, появлялся на публичных заседаниях. Его личность не вызывала сомнений. Но Мель-

ников говорил о свидетельстве, которое якобы существовало двадцать лет назад, когда Арсеньев ещё не был мёртв.

— Вы видели его?

— Нет. Я видел только фотографию. На ней был документ с печатью и подписью. Дата смерти Арсеньева предшествовала пожару на три дня.

— Кто выдал свидетельство?

— Медицинское учреждение, которого не существовало в реестрах. Адрес был указан настоящий, но по этому адресу находился пустырь.

— И вы не сообщили об этом?

Мельников посмотрел на него с усталой неприязнью.

— Я сообщил. Документ проверили. Ничего не нашли. Фотография исчезла из материалов, а мне объяснили, что я стал жертвой чьей-то провокации. Через месяц Ветрова отстранили от дела.

— Почему вы не рассказали об этом раньше?

— Потому что я не хотел, чтобы моя карьера закончилась так же, как его.

Он произнёс это без оправдания. Орлов понял, что перед ним человек, который слишком долго жил с чувством собственной трусости и теперь не знал, что страшнее: признаться в ней или снова промолчать.

— Вы считаете, что Ветров жив? — спросил Орлов.

Мельников надел очки.

— Я считаю, что одиннадцать лет назад кто-то очень хотел, чтобы мы поверили в его смерть. А когда человек так настойчиво создаёт доказательства, это ещё не означает, что он действительно умер.

— Вы присутствовали на похоронах?

— Да.

— Видели тело?

— Гроб был закрыт.

— Кто опознал погибшего?

— Его жена и брат. По документам и личным вещам.

— Значит, никто не видел лицо?

Мельников ничего не ответил.

Орлов почувствовал, что разговор подошёл к границе, за которой начиналась настоящая тайна. Если тело не опознали визуально, то официальная смерть Ветрова могла оказаться результатом ошибки или сознательной подмены. Но даже это не объясняло, как человек, якобы погибший одиннадцать лет назад, мог появляться в настоящем расследовании, оставлять портфель и исчезать из закрытых помещений.

— Есть ещё одна вещь, — сказал Мельников. — Ветров оставил мне фразу. Я запомнил её, потому что она показалась бессмысленной.

— Какую?

— «Если Арсеньев умрёт второй раз, не ищите первого убийцу».

Орлов медленно повторил слова про себя.

— Что это значит?

— Не знаю. Я спросил его. Он ответил, что первый убийца уже получил наказание, которого не заслуживал, а настоящий преступник до сих пор занимает своё место среди живых.

— Он назвал имя?

— Нет.

— А вы подозревали кого-нибудь?

Мельников посмотрел в окно. По стеклу стекали тонкие дождевые дорожки.

— Я подозревал всех, кто участвовал в расследовании пожара. Но сейчас думаю, что это была ошибка. Возможно, виноват был не тот, кто участвовал в расследовании, а тот, кто решил, каким расследование должно быть.

Они расстались без рукопожатия. Перед уходом Мельников попросил Орлова не искать его снова, если тот не будет готов рассказать, что именно нашёл. Он не хотел становиться очередным свидетелем, исчезнувшим из материалов дела.

Вернувшись в управление, Орлов приказал поднять все документы по «Северному берегу», включая те, которые были уничтожены или переданы в другие учреждения. Он понимал, что теперь расследование убийства Арсеньева и расследование гибели Ветрова больше нельзя разделять. Они были связаны не просто общей фамилией, а одним и тем же набором невозможных фактов.

Вечером пришёл ответ из архива. В деле о пожаре действительно имелась запись о смерти Виктора Арсеньева. Но документ был зарегистрирован через три дня после пожара, а затем аннулирован по причине «ошибочной идентификации». В электронном реестре сохранилась копия свидетельства. На ней стояли подпись врача и печать учреждения, которое, согласно справке, никогда не существовало.

Орлов увеличил изображение.

Внизу, в графе «Лицо, установившее личность умершего», была указана фамилия.

Ветров.

Не Михаил Ветров, а человек с той же фамилией и теми же инициалами, чья дата рождения отличалась от даты рождения следователя всего на один день.

Орлов проверил личное дело покойного. Ветров был единственным ребёнком в семье. Его брат умер в младенчестве. Родственников с таким именем не существовало.

Но в архиве сохранилась фотография человека, подписавшего свидетельство.

Это был Михаил Ветров.

И на его левой брови отсутствовал шрам, который был виден на всех фотографиях следователя после пожара.

Орлов распечатал снимок и положил рядом с фотографией из личного дела. Лица были похожи настолько, что при беглом взгляде их можно было принять за одного человека. Но при внимательном сравнении обнаруживались различия в форме ушей, расстоянии между глазами и линии подбородка.

Это были два разных человека.

И оба носили имя Михаил Ветров.

На обороте архивной фотографии была надпись, сделанная рукой Арсеньева:

«Не путайте того, кто подписал смерть, с тем, кого похоронили».

Орлов перечитал её несколько раз. Затем открыл электронную карточку дела и увидел, что фотография была добавлена в архив сегодня, в восемь часов семнадцать минут.

Автор изменения не был указан.

Но система зафиксировала пользователя, от имени которого была выполнена операция.

Михаил Ветров.

Тот самый следователь, которого официально похоронили одиннадцать лет назад.

Орлов выключил монитор. Он больше не сомневался, что кто-то использует имя мёртвого человека. Но теперь ему предстояло выяснить, кто именно скрывался за этим именем, сколько людей участвовало в подмене и почему Виктор Арсеньев оставил следы собственной смерти задолго до того, как его действительно нашли мёртвым.

В конце рабочего дня Орлов получил сообщение от неизвестного отправителя. На экране появилась фотография старого кладбища. В центре кадра находилась могила Михаила Ветрова. На надгробии были выбиты годы жизни, совпадавшие с датами из официального дела.

На обратной стороне фотографии было написано:

«Проверьте, кто похоронен под этим именем. Но не открывайте могилу, пока не узнаете, кто её закрыл».

Орлов увеличил снимок.

На краю надгробия, почти скрытая тенью дерева, виднелась маленькая металлическая табличка. На ней было выгравировано имя, которого не было в официальных документах.

Виктор Арсеньев.

И дата смерти — двадцать второе октября.

Завтрашний день.

Орлов медленно отложил фотографию. Он понял, что если могила действительно существовала в таком виде, то кто-то заранее подготовил место для человека, который ещё был жив. Или для человека, чья смерть должна была произойти в будущем.

И теперь он не мог исключить, что следующей могилой станет его собственная.

Глава 4. Семь подозреваемых

К полудню следующего дня Орлов получил распоряжение сформировать список лиц, которые могли иметь отношение к смерти Виктора Арсеньева. На первый взгляд задача была простой: установить круг общения погибшего, проверить родственников, деловых партнёров, бывших коллег и людей, которые могли находиться в особняке в ночь убийства. Но уже через час стало ясно, что привычный подход здесь не сработает. Почти каждый человек, связанный с судьёй, обладал алиби, подтверждённым независимыми источниками. Более того, некоторые алиби были настолько подробными, что казались не защитой от подозрения, а частью заранее подготовленного сценария.

Орлов не стал сразу вызывать всех на допрос. Он понимал, что любое преждевременное обвинение заставит участников занять оборонительную позицию и уничтожить оставшиеся следы. Вместо этого он поручил собрать подробные сведения о каждом человеке, который мог знать о старом деле «Северного берега». Семь фамилий появились в списке к вечеру.

Виктор Арсеньев, судья с безупречной репутацией, никогда не был человеком открытым. Он редко приглашал гостей, почти не участвовал в светских мероприятиях и не поддерживал близких отношений с коллегами. Однако в последние месяцы его поведение изменилось. Он начал встречаться с людьми, с которыми не общался годами, запрашивал старые архивные документы, посещал закрытые заседания и несколько раз пытался связаться с Михаилом Ветровым. В его календаре сохранились семь записей, каждая из которых содержала фамилию одного из потенциальных подозреваемых.

Первая запись относилась к Елене Арсеньевой, вдове судьи. Вторая — к Павлу Корнееву, судмедэксперту, который когда-то работал в медицинской комиссии по делу о пожаре. Третья — к Андрею Лисицыну, архивисту, имевшему доступ к старым материалам. Четвёртая — к Марине Соколовой, журналистке, много лет расследовавшей обстоятельства трагедии. Пятая — к Сергею Мельникову, бывшему начальнику Ветрова. Шестая — к человеку по имени Николай Серов, чья личность была подтверждена лишь частично. Седьмая запись не содержала имени. В календаре стояло только одно слово: «Свидетель».

Орлов обратил внимание на порядок записей. Они не были расположены по алфавиту, не соответствовали датам встреч и не отражали степень близости к судье. Более того, рядом с каждой фамилией стоял маленький знак, напоминавший короткую черту с точкой. При увеличении выяснилось, что эти знаки были нанесены разными ручками, но имели одинаковую форму.

Он попросил эксперта определить, были ли записи сделаны в одно время. Предварительный вывод оказался неожиданным: календарь заполняли на протяжении нескольких месяцев, но последняя запись, слово «Свидетель», была сделана значительно раньше остальных. Бумага под ней имела характерный след от давления ручки, а соседние страницы показывали, что автор писал на листе, лежавшем поверх календаря. Следовательно, запись могла быть перенесена с другого документа.

Но кто её перенёс и зачем?

Орлов начал с Елены Арсеньевой. Вдова судьи жила в отдельной квартире в центральной части города. В день убийства она находилась на благотворительном вечере, организованном фондом помощи детям. Её присутствие подтвердили организаторы, видеозаписи и десятки фотографий. Она приехала в зал в девятнадцать часов десять минут и покинула его после полуночи. Между девятнадцатью часами и моментом обнаружения тела она не покидала здания, за исключением короткого выхода на открытую террасу, который также попал на запись камеры.

На первый взгляд алиби было безупречным.

Но Орлова интересовало не только то, могла ли Елена физически находиться в особняке. Он хотел понять, знала ли она о смерти мужа до того, как полиция обнаружила тело. В разговоре с оперативниками женщина утверждала, что последний раз говорила с Арсеньевым за два дня до убийства. Они обсуждали развод, который судья якобы собирался оформить после завершения одного старого дела. Елена не скрывала, что отношения были напряжёнными, но отрицала наличие мотива для убийства.

— Мой муж не был простым человеком, — сказала она, когда Орлов встретился с ней на следующий день. — Он мог быть жестоким, упрямым и несправедливым. Но он не был глупцом. Если бы он хотел умереть, он бы оставил после себя гораздо более понятные объяснения.

— Вы считаете, что он покончил с собой?

— Я считаю, что вы слишком рано решили, будто его убили.

— На теле обнаружено повреждение, которое могло привести к смерти.

— Тогда объясните, почему никто не нашёл орудие.

— Именно этим мы занимаемся.

Елена внимательно посмотрела на него.

— Вы ищете убийцу так, словно уверены, что он должен был находиться в комнате. А если ваш вопрос неверен? Если Виктор умер не там, где его нашли? Или если человек, которого вы считаете Виктором, на самом деле им не является?

Орлов не показал удивления, хотя слова женщины почти дословно повторяли его собственные мысли.

— Вы знали о старом деле «Северного берега»?

— Разумеется. Виктор много лет возвращался к нему. Иногда он просыпался ночью и записывал какие-то имена. Я никогда не спрашивала, что они означают.

— Почему?

— Потому что однажды спросила. Он ответил, что если я узнаю правду, мне придётся решить, кого из нас двоих я готова похоронить.

— Когда это было?

— Два месяца назад.

— Вы восприняли его слова как угрозу?

— Сначала да. Потом поняла, что он говорил не о смерти. По крайней мере, я так думала.

Она достала из сумки небольшую записную книжку. В ней были перечислены даты встреч Арсеньева с людьми, чьи фамилии совпадали с записями в календаре. Рядом с некоторыми стояли короткие пометки. Возле фамилии Корнеева было написано: «Время». Возле Лисицына — «Оригинал». Возле Соколовой — «Публикация». Возле Мельникова — «Похороны». Возле Серова — «Личность».

Последняя строка содержала только одно слово:

«Ветров».

— Что это? — спросил Орлов.

— Я нашла книжку в кабинете мужа неделю назад. Он попросил меня никому её не показывать. Я не знала, что она имеет отношение к убийству.

— Почему вы не передали её полиции сразу?

Елена посмотрела на него с такой усталостью, что он впервые увидел в ней не вдову, а человека, который давно живёт в ожидании катастрофы.

— Потому что Виктор сказал: если я отдам эту книжку не тому человеку, погибнут ещё двое.

— Кто именно?

— Он не назвал имён.

Орлов забрал книжку на экспертизу. Выйдя из квартиры, он понял, что Елена могла быть не просто подозреваемой, но и одним из немногих людей, знавших о предстоящем преступле-

нии. Её алиби исключало физическое присутствие в кабинете, однако не исключало участия в подготовке убийства. Более того, она сама предложила версию, которая могла оказаться удобной для преступника: возможно, тело нашли не там, где человек умер.

Вторым в списке был Павел Корнеев. Судмедэксперт работал в городском бюро уже двадцать семь лет и считался одним из самых опытных специалистов в регионе. Его подпись стояла на десятках заключений, в том числе на документах по делу «Северного берега». В день убийства он дежурил в больнице на другом конце города. Время его прибытия и ухода подтверждалось электронным журналом, записями камер и показаниями сотрудников.

Корнеев встретил Орлова в кабинете, где на стенах висели сертификаты и благодарственные письма. Он был невысоким мужчиной с серебристыми волосами, спокойным голосом и привычкой поправлять манжеты перед тем, как отвечать на вопрос.

— Вы хотите знать, почему я не могу точно назвать время смерти? — спросил он, прежде чем Орлов успел открыть папку.

— Я хочу знать, почему вы сначала назвали его, а потом усомнились.

— Потому что первоначальная оценка была сделана в условиях ограниченной информации. Мы исследовали тело после транспортировки, не зная точной температуры помещения в момент обнаружения и не имея данных о том, как долго погибший находился в одном положении. Когда появились дополнительные сведения, прежняя оценка перестала быть достаточно надёжной.

— Вы знали Арсеньева лично?

— Мы встречались по работе.

— Вы участвовали в расследовании пожара?

Корнеев снял очки и протёр их салфеткой.

— Да. Я проводил медицинское освидетельствование нескольких погибших. Но я не устанавливал личности всех одиннадцати человек. Это делали другие специалисты.

— В вашем заключении есть запись о человеке, которого опознали после смерти.

— В подобных делах такое бывает.

— Вы помните имя?

— Нет.

— А если я скажу, что это был Виктор Арсеньев?

Корнеев замер всего на секунду, но Орлов заметил эту паузу.

— Тогда я скажу, что вы ошибаетесь.

— Почему?

— Потому что я видел Арсеньева после пожара. Он участвовал в заседании, на котором рассматривались материалы дела. Я помню его лицо.

— Вы уверены, что это был он?

Корнеев посмотрел на Орлова.

— Вы задаёте вопрос, который не имеет отношения к медицине.

— Он имеет отношение к убийству.

— Тогда задайте его тому, кто занимался идентификацией.

— Мы как раз пытаемся найти такого человека.

Корнеев не ответил. Орлов заметил, что на столе эксперта лежала старая фотография, перевёрнутая изображением вниз. Когда он попросил показать её, Корнеев без возражений протянул снимок. На нём были запечатлены трое мужчин возле здания пансионата. Один из них был значительно моложе Корнеева, второй напоминал Арсеньева, а третий стоял к камере спиной.

— Кто эти люди?

— Я не помню.

— Вы храните фотографию двадцать лет и не помните, кто на ней?

— Возможно, это не моя фотография.

— Тогда почему она у вас?

Корнеев убрал снимок в ящик.

— Потому что кто-то оставил её мне вчера вечером.

Орлов почувствовал, как внутри снова поднимается знакомое напряжение. Он не стал требовать немедленного объяснения. Вместо этого попросил Корнеева передать фотографию для экспертизы. Тот согласился, но предупредил, что на ней могут оказаться отпечатки самого Арсеньева.

— Почему?

— Потому что на обороте есть надпись. Я не читал её до сегодняшнего утра.

Орлов перевернул снимок.

Там было написано:

«Один из этих троих умер до того, как фотография была сделана».

Третьим подозреваемым стал Андрей Лисицын, архивист, работавший в городском хранилище документов. Его алиби было подтверждено журналом доступа: в ночь убийства он находился в архиве, где занимался оцифровкой старых дел. Камеры фиксировали его присутствие с девятнадцати часов до полуночи. Он не покидал помещения, а электронный пропуск не регистрировал выхода.

Лисицын оказался худым молодым мужчиной с нервной манерой говорить. Он постоянно смотрел на дверь, словно ожидал, что кто-то войдёт и прервёт разговор. На вопросы о деле «Северного берега» он отвечал уклончиво, утверждая, что архивист не отвечает за содержание документов, а лишь обеспечивает их сохранность.

— Вы обнаружили исчезнувшие страницы? — спросил Орлов.

— Какие именно?

— Те, которые отсутствуют в деле о пожаре.

— В архиве тысячи дел. Я не могу помнить каждую страницу.

— Но вы встречались с Арсеньевым за неделю до его смерти.

Лисицын нервно улыбнулся.

— Судья приходил по официальному запросу. Он хотел ознакомиться с материалами старого производства.

— Что он искал?

— Не знаю.

— Вы видели, какие документы он просматривал?

— Да.

— И?

Лисицын опустил глаза.

— Он искал дело, которого не было в каталоге.

— Что это означало?

— Он назвал номер, который не соответствовал ни одному зарегистрированному делу. Я проверил старую систему, бумажный каталог и резервные описи. Ничего не нашёл. Тогда он сказал, что если я не могу найти дело, значит, кто-то очень хорошо выполнил свою работу.

— И что вы сделали?

— Я спросил, что в нём содержится.

— Что он ответил?

Лисицын посмотрел на Орлова.

— Доказательство того, что одиннадцать человек никогда не умирали.

Орлов не стал сразу задавать следующий вопрос. Он понимал, что архивист либо говорил правду, либо повторял чужую формулировку, смысл которой сам не понимал. В любом случае фраза была связана с делом о пожаре и с документами, которые появлялись задним числом.

— Вы нашли это дело?

— Нет.

— Но что-то нашли?

Лисицын медленно кивнул.

— Я обнаружил страницу, которой не было в описи. Она лежала в папке с материалами другого дела. На странице стояли фамилии одиннадцати человек и дата, предшествовавшая пожару на три дня. Рядом с каждой фамилией было указано: «Личность не подтверждена».

— Где эта страница сейчас?

— Исчезла.

— Кто её забрал?

— Не знаю.

— Вы сообщили об этом руководству?

— Нет.

— Почему?

Лисицын сжал руки.

— Потому что на следующий день после того, как я нашёл страницу, в архив пришёл человек и показал мне собственное свидетельство о смерти. Он сказал, что если я сообщу о документе, меня внесут в список.

— В какой список?

— Я не спросил.

— Кто был этот человек?

Лисицын поднял глаза.

— Михаил Ветров.

Орлов не показал удивления, хотя внутри всё напряглось. Архивист утверждал, что видел Ветрова живым до убийства Арсеньева. Если это было правдой, то человек, которого считали погибшим одиннадцать лет назад, действительно продолжал появляться в городе. Но Лисицын не мог объяснить, почему не обратился в полицию, и не предоставил ни одного доказательства встречи.

— Вы можете описать его?

— Да. Высокий, худощавый, шрам над левой бровью. Он говорил спокойно, но смотрел так, будто уже знал, что я отвечу.

— Вы уверены, что это был именно Ветров?

— Он показал удостоверение. И фотографию из личного дела.

— Вы проверяли документы?

— Нет.

— Тогда вы знаете только то, что человек назвал себя Ветровым.

Лисицын молча кивнул.

Орлов записал его показания. Он не мог считать архивиста убийцей: его алиби выглядело убедительно, а мотив оставался неясным. Но Лисицын мог быть посредником, хранителем документов или человеком, которого использовали вслепую. Его страх казался настоящим, однако настоящий страх не исключал сознательной лжи.

Четвёртой в списке была Марина Соколова, журналистка, которая двадцать лет собирала материалы о пожаре. В ночь убийства она выступала в прямом эфире регионального телеканала. Запись передачи сохранилась полностью, а её присутствие в студии подтверждали сотрудники и технические журналы. После эфира она дала интервью, затем уехала домой. Ни одна камера не зафиксировала её возле особняка Арсеньева.

Соколова встретила Орлова в редакции. На столе у неё лежали распечатки старых газет, фотографии с места пожара и толстая папка с пометками. Она не пыталась скрыть, что считала судебное решение по делу «Северного берега» ошибочным.

— Арсеньев знал, что я готовлю публикацию, — сказала она. — Он сам позвонил мне за неделю до смерти и попросил не выпускать материал до двадцать второго октября.

— Почему?

— Сказал, что в этот день будет опубликован документ, который изменит всё.

— Какой документ?

— Он не уточнил.

— Вы согласились?

— Я согласилась подождать. Но не потому, что доверяла ему. Я хотела увидеть, что он собирается предъявить.

— У вас был мотив для убийства?

Соколова усмехнулась.

— У меня был мотив разоблачить его. Это не одно и то же.

Она показала Орлову папку. Внутри находились копии протоколов, фотографии здания и записи разговоров с бывшими сотрудниками пансионата. Один из свидетелей утверждал, что в ночь пожара в здании находился человек, которого позже видели живым. Другой говорил, что список погибших составили до начала спасательной операции. Третий утверждал, что видел Арсеньева возле пансионата за несколько часов до возгорания.

— Почему вы не опубликовали эти сведения раньше? — спросил Орлов.

— Потому что ни один из свидетелей не мог подтвердить свои слова документально. А некоторые впоследствии отказывались от показаний.

— Вы считаете, что судья участвовал в сокрытии правды?

— Я считаю, что он знал гораздо больше, чем сказал суду. Но в последние месяцы он пытался исправить то, что сделал.

— Откуда вы знаете?

Соколова достала из папки лист бумаги. На нём был напечатан фрагмент письма без подписи.

«Я вынес решение, основываясь на показаниях человека, который не существовал. Теперь я знаю, что это было не единственное ложное свидетельство. Если я не исправлю ошибку, она повторится».

— Это прислал Арсеньев? — спросил Орлов.

— Да.

— Когда?

— За два дня до убийства.

— Почему вы не передали письмо полиции?

— Потому что он попросил меня не делать этого до двадцать второго октября.

Орлов посмотрел на дату в углу листа. Письмо действительно было отправлено за два дня до смерти, но штамп почтовой системы показывал, что оно прошло через сервер, зарегистрированный на организацию, прекратившую существование одиннадцать лет назад.

— Вы проверяли адрес отправителя?

— Конечно. Он не существует.

— Тогда почему вы уверены, что письмо прислал Арсеньев?

— Потому что в конце была фраза, которую он произнёс мне по телефону. Я не рассказывала её никому.

— Какая?

Соколова посмотрела на него.

— «Правда не обязана быть правдоподобной».

Орлов записал фразу. Она могла быть личным девизом судьи, но могла и служить частью общего замысла. В этом деле даже искреннее признание не давало уверенности, что человек говорил правду.

Пятым подозреваемым был Сергей Мельников. Его алиби подтверждалось документами о нахождении в загородном доме, где он проводил вечер с дочерью и её семьёй. Несколько человек видели его за ужином, а телефон оставался подключённым к домашней сети. Впрочем, Орлов уже знал, что Мельников скрывал сведения о Ветрове и мог быть связан с подменой личности одиннадцать лет назад.

Когда Орлов позвонил ему повторно, Мельников отказался от встречи и попросил прислать вопросы письменно. Это усилило подозрения. Человек, который боялся раскрытия старой тайны, мог избегать прямого разговора, но точно так же мог поступать человек, опасавшийся, что его используют в чужой игре.

Шестым был Николай Серов. В отличие от остальных, его существование подтверждалось лишь несколькими документами. В реестре значился мужчина пятидесяти двух лет, работавший техническим специалистом в учреждении, связанном с расследованием пожара. Его фотография отсутствовала. Адрес регистрации вёл к зданию, которое было снесено много лет назад. Налоговые сведения показывали, что он получал доход, но ни один работодатель не мог подтвердить, что видел его лично.

В день убийства Серов якобы находился в другом городе. Билет на поезд был оформлен на его имя, а гостиничная запись подтверждала заселение. Однако камера на вокзале не позволяла уверенно опознать пассажира, а сотрудник гостиницы не помнил его лица. Все доказательства существования Серова были настоящими, но ни одно не доказывало, что человек с таким именем действительно совершал соответствующие действия.

Орлов поручил проверить его биографию. Ответ оказался тревожным: Николай Серов фигурировал в документах о пожаре как один из людей, участвовавших в идентификации погибших. При этом его подпись стояла под протоколом, составленным за четыре дня до того, как он официально родился.

Седьмым оставался «Свидетель» — имя, которого не было ни в календаре, ни в реестрах, ни в списках участников старого расследования. Орлов не мог даже установить, являлся ли этот человек реальным лицом или обозначением роли, которую должен был исполнить кто-то из подозреваемых.

К вечеру семь фамилий легли на стол рядом с фотографиями, копиями документов и предварительными алиби. Ни один из подозреваемых не мог беспрепятственно находиться в кабинете Арсеньева в момент, который полиция считала временем смерти. Но это не означало, что никто из них не мог организовать убийство заранее. У каждого была причина скрывать часть прошлого, каждый знал о деле «Северного берега», и каждый, кроме, возможно, Корнеева, хотя бы раз сталкивался с именем Михаила Ветрова.

Орлов попытался выстроить их в единую цепочку. Елена знала о планах мужа. Корнеев определял время смерти. Лисицын имел доступ к архивам. Соколова собирала компрометирующие материалы. Мельников руководил Ветровым. Серов участвовал в идентификации погибших. Седьмой свидетель оставался неизвестным.

Это выглядело как идеальная система взаимного контроля. Каждый обладал частью информации, которую другие не могли проверить самостоятельно. Если один из них лгал, остальные не обязательно знали об этом. Если один из них был убит, его тайна могла исчезнуть вместе с ним.

Но в этой системе существовала странность: все семеро имели алиби, однако никто не мог объяснить, почему Арсеньев назначил встречи именно с ними и почему в календаре они были обозначены одинаковыми символами.

Орлов попросил эксперта сопоставить знаки с пометками на страницах старого дела. Через час пришёл ответ. Символы совпадали с отметками, использовавшимися в архивных документах для обозначения неподтверждённых личностей.

Не подозреваемых.

Не свидетелей.

Личностей, существование которых нельзя было установить.

Орлов посмотрел на семь фотографий. Он впервые задумался, не ошибся ли в самом принципе отбора. Возможно, Арсеньев не собирал людей, которые могли его убить. Возможно, он собирал людей, чьи личности были связаны с одним и тем же преступлением — преступлением, которое никто не мог доказать, потому что часть его участников официально не существовала.

В двадцать три часа семнадцать минут на служебный компьютер пришло новое письмо. Отправитель не был указан. В теме стояло: «Семь подозреваемых».

Внутри находилась одна строка:

«Шестеро из них имеют алиби. Седьмой имеет доказательство, что его никогда не существовало».

Орлов перечитал сообщение и открыл список.

В нём было семь фамилий.

Но когда он пересчитал фотографии на столе, их оказалось восемь.

На последнем снимке был изображён мужчина, которого Орлов не помнил и не мог опознать. На обороте стояла надпись:

«Он уже дал показания».

И дата — двадцать второе октября.

Завтрашний день.

Глава 5. Часы, остановившиеся дважды

Первое правило, которому Орлов научился за годы службы, гласило: время в протоколе — это не само время, а вывод, сделанный на основании определённых признаков. Часы могут спешить, свидетели ошибаться, электронные журналы фиксировать неверные отметки, а память человека перестраивать последовательность событий в соответствии с тем, что он узнал позднее. Но даже с учётом этих оговорок время смерти Виктора Арсеньева выглядело не просто неточным. Оно словно было разделено на несколько несовместимых версий, каждая из которых подтверждалась собственными доказательствами.

В протоколе значилось двадцать три часа семнадцать минут. На настенных часах в кабинете стрелки остановились на том же времени. Телефон судьи зафиксировал последний исходящий вызов в двадцать три часа шестнадцать минут. Секретарь получила сообщение от Арсеньева в двадцать три часа тридцать четыре минуты. Сосед слышал удары около десяти вечера, а другой свидетель видел свет в кабинете ближе к одиннадцати. Предварительное исследование тела указывало на смерть примерно на сорок минут раньше официальной отметки.

Все эти сведения могли быть объяснены по отдельности. Часы могли остановиться случайно. Сообщение могло быть отправлено другим человеком. Свидетели могли ошибиться. Температура тела могла измениться из-за условий помещения. Но когда Орлов попытался соединить факты в одну хронологию, выяснилось, что любая версия требует отвергнуть хотя бы одно подтверждённое обстоятельство.

Он решил начать с часов.

Старинный корпус оказался лишь оболочкой для механизма, изготовленного в начале двухтысячных годов. Производитель подтвердил серийный номер и сообщил, что часы были проданы частному покупателю, но сведения о нём не сохранились. Последнее обслуживание провели восемь месяцев назад. В мастерской заменили пружину, очистили механизм и проверили точность хода. Мастер утверждал, что после ремонта часы работали исправно.

Однако в документах об обслуживании обнаружилась запись, которой не было в первоначальной копии. За два дня до смерти Арсеньева неизвестный человек принёс в мастерскую другой механизм, внешне идентичный установленному в кабинете. Он попросил проверить его точность и заменить одну деталь. Заказ был оформлен на имя Виктора Арсеньева, но подпись отличалась от той, что стояла в его официальных документах.

Мастер не помнил посетителя. Видеозапись за тот день отсутствовала: система наблюдения была отключена на время ремонта помещения. Единственным подтверждением визита оставался бумажный квиток, который нашли в старом журнале.

Орлов запросил оригинал. Бумага оказалась старше, чем следовало, а чернила на записи не соответствовали марке, которую использовали в мастерской в тот период. Эксперт предположил, что квиток мог быть изготовлен позднее и искусственно состарен. Но окончательный вывод сделать не удалось.

— Значит, мы не знаем, какие часы находились в кабинете до убийства, — сказал Орлов, когда Белова принесла ему результаты проверки.

— Мы знаем, какие часы там находились во время осмотра. И знаем, что их механизм мог быть заменён.

— А стрелки?

— Положение стрелок можно изменить вручную. Это не доказывает, что они остановились именно в момент смерти.

Орлов посмотрел на фотографию циферблата. Стрелки показывали двадцать три часа семнадцать минут. Но на увеличенном изображении эксперт обнаружил едва заметную царапину возле отметки двенадцати. Она могла возникнуть при обычном использовании часов,

однако её положение совпадало с местом, где стрелка секундомера должна была остановиться, если механизм вручную перевели в режим фиксации.

— Кто-то мог выставить время после смерти, — сказал Орлов.

— Мог. Но если это так, то зачем использовать именно время, которое потом совпало с предварительным заключением?

— Чтобы мы поверили в совпадение.

— Или чтобы мы начали искать причину, по которой оно возникло.

Они договорились проверить все устройства, которые могли фиксировать время в доме. В прихожей нашли электронную панель сигнализации, в кабинете — настенные часы и настольный будильник, на кухне — микроволновую печь с цифровым дисплеем. Телефон судьи, ноутбук и система видеонаблюдения также сохраняли временные отметки. Большинство устройств показывали время, близкое к реальному, но два из них имели расхождение более чем на двадцать минут.

Микроволновая печь отставала на семь минут. Настольный будильник спешил на четырнадцать. Это не было необычным для бытовых приборов, но означало, что в доме не существовало единого источника времени. Если преступник хотел создать ложную хронологию, он мог воспользоваться этим обстоятельством. Если же он хотел оставить подсказку, то выбрал для неё часы, точность которых нельзя было считать гарантированной.

Орлов попросил проверить, когда именно остановились настенные часы. Механизм сохранил следы механического воздействия, но не позволял установить точную минуту остановки. Маятник мог прекратить движение из-за удара, изменения положения корпуса или вмешательства человека. При этом стрелки не были зафиксированы в положении, характерном для естественной остановки после полного исчерпания энергии. Кто-то мог остановить механизм намеренно.

Но почему именно в двадцать три часа семнадцать минут?

В ответ на этот вопрос Орлов снова обратился к истории звонков Арсеньева. Последний вызов на номер Ветрова был совершен в двадцать три часа шестнадцать минут. Через минуту часы остановились. Если звонок действительно был сделан самим судьёй, он мог знать, что произойдёт дальше. Но если телефон использовал другой человек, то совпадение могло быть частью постановки.

Орлов запросил аудиозапись вызова. Оператор предоставил только технические данные: соединение не состоялось, абонент не ответил. Содержимое разговора отсутствовало. Однако в телефоне Арсеньева сохранилась запись голосового сообщения, которое он пытался отправить на тот же номер за несколько минут до звонка.

Запись длилась одиннадцать секунд.

На ней слышался голос судьи:

«Если ты получил первое письмо, не приходи. Если получил второе, уже поздно. Я не знаю, какое из них ты прочитал».

После этого раздавался короткий щелчок, а запись обрывалась.

Орлов прослушал её несколько раз. Голос действительно принадлежал Арсеньеву. Но фоновые звуки не соответствовали акустике кабинета. На записи слышался слабый гул, напоминавший вентиляцию большого помещения, и далёкий металлический звон. Эксперт предположил, что сообщение могли записать не в доме, а в общественном здании или на станции.

— Он мог записать это раньше и отправить в ночь убийства, — сказала Белова.

— Тогда почему не сохранилась дата создания файла?

— Потому что метаданные могли быть изменены. Или потому что файл пересохранили через другое устройство.

— А если сообщение записали после смерти?

Белова посмотрела на него.

— Тогда кто-то имитировал голос Арсеньева. Но качество записи недостаточно высокое, чтобы исключить такую возможность.

Орлов вернулся к заключению судмедэксперта. В нём было указано, что предполагаемое время смерти находится в диапазоне, а не соответствует одной точной минуте. В первоначальном протоколе диапазон сократили до двадцати трёх часов семнадцати минут на основании положения часов в кабинете. Получалось, что следствие использовало часы для определения времени смерти, а затем время смерти стало подтверждением правильности показаний часов.

Это была логическая ошибка.

Два обстоятельства, которые выглядели независимыми, на самом деле зависели друг от друга. Если часы остановили намеренно, то они не могли служить подтверждением времени смерти. А если время смерти определили по другим признакам, то совпадение со стрелками требовало отдельного объяснения.

Орлов попросил составить новую хронологию, исключив показания часов. Оставались звонки, сообщения, свидетельские показания и медицинские данные. Из них следовало, что Арсеньев мог умереть между двадцатью двумя часами тридцатью минутами и двадцатью тремя часами десятью минутами. Но этот диапазон не объяснял сообщение, отправленное секретарю в двадцать три часа тридцать четыре минуты.

Если сообщение отправили после смерти, значит, кто-то имел доступ к телефону судьи. Если его отправили раньше, то временная отметка была неверной. Если сообщение было подготовлено заранее и отправлено автоматически, требовалось найти соответствующий механизм. Ни один из вариантов пока не подтверждался.

Вечером Орлов вернулся в особняк, чтобы осмотреть систему сигнализации. Панель сохранила журнал событий, но в нём обнаружилась запись, не совпадавшая с данными электронного замка. В двадцать два часа сорок три минуты система зарегистрировала открытие двери кабинета. Через три секунды дверь была закрыта. При этом датчик замка не зафиксировал поворота ключа, а датчик движения в коридоре не сработал.

Орлов вызвал специалиста по охранным системам. Тот объяснил, что подобная запись могла возникнуть из-за сбоя датчика, изменения конфигурации или отключения питания на долю секунды. Но в журнале не было отметки о сбое. Система зарегистрировала событие как штатное открытие двери.

— Кто мог это сделать? — спросил Орлов.

— Любой, у кого был доступ к панели или программному обеспечению. Но если человек хотел скрыть открытие, он мог просто отключить журналирование.

— Почему он этого не сделал?

— Возможно, он не знал, что событие будет зарегистрировано. Или хотел, чтобы вы его нашли.

Орлов попросил проверить, соответствовала ли запись физическому открытию двери. Эксперт осмотрел замок и пришёл к выводу, что механизм действительно мог сработать без поворота ключа, если на короткое время нарушить питание электромагнитного датчика. Но сама дверь при этом могла остаться закрытой.

Получалось, что журнал сигнализации не доказывал присутствия человека в кабинете. Он доказывал лишь то, что система зарегистрировала событие, которое могла интерпретировать как открытие двери.

Орлов вспомнил фразу, появившуюся на его блокноте: «Сначала выясни, кто сказал тебе, что он туда входил». Он начал понимать, что все временные отметки в деле были не просто ненадёжными. Они создавали иллюзию последовательности, которой могло не существовать.

В кабинете обнаружили ещё один прибор — небольшой электронный таймер, встроенный в основание настольной лампы. Он был отключён от сети, но внутри сохранилась бата-

рейка. При подключении таймер показал ноль часов, ноль минут и ноль секунд. На корпусе имелась кнопка сброса, а рядом — маленькая наклейка с цифрами «17».

Орлов попросил эксперта проверить, использовался ли таймер в ночь убийства. На его поверхности нашли частичные отпечатки Арсеньева и ещё одного человека. Следы были слишком неполными для идентификации. Но внутри корпуса обнаружили крошечный фрагмент бумаги, на котором сохранилась часть печатного текста:

«…после второго сигнала…»

Больше ничего разобрать не удалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.